№. 5.

Б. И. ГОРЕВЪ.

СОСЛОВІЕ, КЛАССЪ, ПАРТІЯ.

Издательство „РАБОЧАЯ БИБЛІОТЕКА"
Организ. Комит. Р. С.-Д. Р. П.

Цѣна 15 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Сословіе, классъ, партія.

Сословіе, классъ, партія—кто не слыхалъ этихъ словъ? Какъ часто повторяются они въ газетахъ и брошюрахъ въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ! И, тѣмъ не менѣе—много ли найдется людей, которые отдавали бы себѣ ясный отчетъ въ значеніи этихъ словъ, представляли бы себѣ связь между ними и ихъ роль въ различныхъ политическихъ программахъ? Между тѣмъ, въ настоящее бурное время, время великой россійской революціи, когда сразу выступило на широкую сцену русской исторіи столько политическихъ партій, когда появилось столько любителей дурачить наивныхъ людей пышными фразами, прикрывающими эгоистическія классовыя или сословныя вожделѣнія,—въ настоящее время особенно важно, чтобъ разобраться во всемъ этомъ, точное знаніе элементарныхъ соціально-политическихъ понятій.

Нашей задачей и будетъ дать по возможности точное и полное опредѣленіе этихъ понятій—сословія, класса и партіи, выяснить различіе между ними, ихъ взаимныя отношенія и роль въ исторіи и пояснить все это общеизвѣстными историческими примѣрами.

Итакъ, прежде всего, что такое сословіе и что—классъ? Въ чемъ разница между ними? Мы знаемъ, что говорятъ: дворянское сословіе, крестьянское сословіе и въ то же время—классъ капиталистовъ, рабочій классъ. Съ другой стороны, такой глубокій знатокъ политическихъ наукъ, какъ нѣмецкій соціалистъ Лассаль, говоря о рабочихъ, употреблялъ выраженіе—«четвертое сословіе», изъ чего видно, что въ его время понятія эти еще не были вполнѣ установлены, и только широкое распространеніе идей Маркса, основателя научной теоріи классовъ, сдѣлало теперь невозможнымъ смѣшеніе этихъ понятій.

Сословіе—понятіе политическое; классъ—понятіе соціально-экономическое. Сословіемъ называется группа лицъ

въ государствѣ, объединенныхъ общими правами и привилегіями (или, наоборотъ, общимъ безправіемъ), находящихся въ особыхъ, указанныхъ закономъ, отношеніяхъ къ государству, другъ къ другу и къ остальнымъ сословіямъ. Принадлежность къ тому или другому сословію опредѣляется рожденіемъ и передается по наслѣдству, за исключеніемъ опять таки случаевъ, предусмотрѣнныхъ закономъ. Такимъ образомъ, члены сословія пользуются правами или несутъ обязанности, которыя предоставляетъ имъ или налагаетъ на нихъ государство. Вотъ почему мы и сказали, что сословіе—понятіе политико-юридическое или государственно-правовое. Такъ, напримѣръ, русское дворянство—это сословіе, отличавшееся до нашей революціи отъ другихъ цѣлымъ рядомъ особыхъ правъ и привилегій. Ему давалось преимущество во всѣхъ видахъ государственной службы, для него существовало безплатное обученіе въ цѣломъ рядѣ учебныхъ заведеній, у него—въ лицѣ земскихъ начальниковъ—была огромная власть надъ крестьянами, его всячески поддерживало государство въ денежныхъ затрудненіяхъ, только ему предоставлено было право подавать коллективныя петиціи верховной власти и т. д. Дворянство передается по наслѣдству, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, когда оно пріобрѣтается службой или особымъ пожалованіемъ. Дворянское званіе считалось почетнымъ.

Съ другой стороны, напримѣръ, русское крестьянство—это сословіе, объединенное до сихъ поръ общимъ безправіемъ и несущее однѣ лишь обязанности. Съ крестьянъ собираются главные налоги для государства, они составляютъ его главную силу; между тѣмъ, въ ихъ положеніи до революціи еще сохранились многіе остатки крѣпостного права; недавно они зависѣли отъ цѣлаго ряда низшихъ властей, которыя даже могли затруднить имъ свободу передвиженія и возможность искать заработковъ. Имъ затрудненъ былъ доступъ къ образованію; крестьянское званіе считалось низкимъ, съ крестьянами обращались на «ты», а не такъ давно ихъ можно было даже подвергать тѣлесному наказанію.

Всѣ эти права и обязанности сословій, какъ мы видимъ, установлены государствомъ и охраняются закономъ. При этомъ, между принадлежностью къ сословію и имущественнымъ положеніемъ даннаго лица нѣтъ необходимой связи, и принадлежность къ высшему сословію не всегда сопровождается большимъ богатствомъ: мы знаемъ, что есть очень бѣдные дворяне и очень богатые крестьяне. Такимъ образомъ, и отсюда видно, что принадлежать

къ какому-либо сословію значитъ только имѣть извѣстныя привилегіи или быть лишеннымъ извѣстныхъ правъ—въ отличіе отъ другихъ.

Выяснивъ, что такое сословіе, перейдемъ къ опредѣленію понятія «классъ» или «общественный классъ». Мы сказали, что классъ—это понятіе соціально-экономическое. Что это значитъ? Это значитъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло не съ правами или обязанностями, установленными закономъ, а съ экономическимъ положеніемъ въ обществѣ. Классомъ называется совокупность лицъ, объединенныхъ одинаковой ролью въ процессѣ производства и присвоенія общественнаго богатства и, слѣдовательно, объединенныхъ также общностью экономическихъ интересовъ.

Таковы, напримѣръ, въ современномъ обществѣ классы капиталистовъ и рабочихъ, или буржуазіи и пролетаріата. Въ странахъ съ широкой гражданской и политической свободой, какъ Франція, Швейцарія, Соединенные Штаты,—капиталисты и рабочіе пользуются, по закону, одинаковыми правами, и каждому рабочему предоставлено полное «право» пріобрѣсти капиталъ и перейти въ ряды капиталистовъ. Но на самомъ дѣлѣ, въ рукахъ капиталистовъ, или буржуазіи, сосредоточены всѣ богатства, они владѣютъ всѣми средствами производства и, сами ничего не создавая, присваиваютъ себѣ продукты труда эксплуатируемыхъ ими рабочихъ и, благодаря этому, являются фактически господствующими. Между тѣмъ, пролетаріатъ, создающій своимъ трудомъ всѣ богатства общества, владѣетъ лишь своей рабочей силой, которую онъ, чтобы найти себѣ средства къ жизни, вынужденъ продавать на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ; и само собою разумѣется, что рабочіе, заработная плата которыхъ едва обезпечиваетъ ихъ существованіе, никогда стать капиталистами не могутъ.

Каждый классъ, конечно, имѣетъ особые, присущіе ему экономическіе и политическіе интересы. Всѣмъ рабочимъ выгодно меньше работать и больше получать за свой трудъ, а капиталистамъ, наоборотъ, выгодно, какъ можно больше выжимать изъ рабочихъ и какъ можно меньше давать имъ. Интересы ихъ поэтому прямо противоположны. Въ интересахъ буржуазіи—сохранить какъ можно дольше теперешній порядокъ, при которомъ она является господствующимъ классомъ. Наоборотъ, интересы наемныхъ рабочихъ заставляютъ ихъ стремиться къ измѣненію такого строя, въ которомъ они являются самымъ обездоленнымъ классомъ. И, чтобы добиться этого измѣненія, пролетаріатъ стре-

мится къ завоеванію какъ можно большихъ политическихъ правъ и въ конечномъ счетѣ—политической власти, а буржуазія всѣми силами противится этому. Итакъ, на этихъ примѣрахъ видно, что принадлежать къ извѣстному классу—значитъ занимать опредѣленное экономическое положеніе въ обществѣ, играть опредѣленную роль въ общественномъ производствѣ и, слѣдовательно, быть связаннымъ общими интересами со всѣми другими членами того же класса.

Важнѣйшіе классы современнаго общества, въ зависимости отъ того, какое мѣсто они занимаютъ въ процессѣ общественнаго производства, и откуда они извлекаютъ свои доходы,—это землевладѣльцы, буржуазія (промышленная и денежная, т. е. фабриканты, заводчики—съ одной стороны и банкиры, ростовщики—съ другой) и пролетаріатъ. Источники дохода первыхъ—это земельная рента (т. е. доходъ, извлекаемый изъ права монопольнаго владѣнія землею и всѣми ея естественными богатствами, доходъ, воплощающійся въ разныхъ видахъ арендной платы); источникъ дохода вторыхъ—прибыль на капиталъ и третьихъ—заработная плата. Между этими главными классами расположены промежуточные слои, такъ называемая мелкая буржуазія: хозяева-ремесленники, мелкіе землевладѣльцы, лавочники, которые живутъ отчасти собственнымъ трудомъ, отчасти—эксплуатаціей наемнаго труда.

Сословія и классы, такимъ образомъ, не совпадаютъ между собой. Главную массу дворянъ, правда составляетъ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, но между ними есть много и фабрикантовъ, и заводчиковъ, и банкировъ, а обѣднѣвшіе дворяне могутъ стать рабочими и даже босяками. Точно такъ же принадлежащій къ сословію крестьянъ можетъ быть и наемнымъ рабочимъ, городскимъ или сельскимъ, и богатымъ землевладѣльцемъ, и фабрикантомъ. Другими словами, среди крестьянства, какъ сословія, признаннаго государствомъ, есть разные классы, интересы которыхъ не совпадаютъ, а иногда прямо противоположны: есть деревенская буржуазія, такъ называемые кулаки или міроѣды, есть средніе крестьяне, живущіе собственнымъ трудомъ, и, наконецъ, есть огромное множество пролетаріата, всѣхъ безлошадныхъ, безхозяйныхъ, которые не могутъ прокормиться землей и принуждены продавать свою рабочую силу въ городѣ фабриканту, а въ деревнѣ—помѣщику или своему же брату—богатому крестьянину. Всѣ эти разные классы были у насъ связаны лишь тѣмъ, что государство считало ихъ отдѣльнымъ сословіемъ, лишен-

нымъ извѣстныхъ правъ, предоставленнымъ другимъ сословіямъ. А вотъ, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки крестьянъ или дворянъ, какъ сословія, нѣтъ, такъ какъ тамъ вообще нѣтъ сословій; но и тамъ, конечно, имѣются всѣ классы сельскаго населенія: крупные землевладѣльцы, мелкая сельская буржуазія, или фермеры, и сельскохозяйственные рабочіе.

Всегда ли существовали сословія и классы? Конечно, нѣтъ. На зарѣ исторіи наши отдаленные предки, жившіе родовыми общинами, не знали никакого неравенства. Всѣ продукты общаго труда (охоты, рыбной ловли) были общимъ достояніемъ. Какъ добываніемъ, такъ и дѣлежемъ добычи руководили выборные старшины. Но какъ только, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, главнымъ образомъ,—увеличенія производительности труда, появилась частная собственность на средства производства (напримѣръ, на землю, скотъ), тотчасъ возникли въ обществѣ имущественное неравенство и дѣленіе на классы. Появились богатые и бѣдные, эксплуататоры и эксплуатируемые, господа и рабы. Между этими классами, естественно, началась борьба, и вотъ съ тѣхъ поръ эта борьба классовъ, подъ разными видами и формами, наполняетъ всю исторію и опредѣляетъ все ея содержаніе. Но въ чистомъ видѣ борьба классовъ, борьба за экономическое и политическое преобладаніе, проявлялась въ прежнія времена рѣдко. Она осложнялась и затемнялась борьбой національной, религіозной и, наконецъ,—сословной. Когда одинъ народъ покорялъ другой и заставлялъ его работать на себя, заставлялъ платить дань, отбывать повинности на отнятой у него же землѣ, покореннымъ казалось, что ихъ несчастія происходятъ лишь отъ того, что ихъ эксплуататоры—чужестранцы, а часто—и иновѣрцы. И тогда классовая борьба, борьба съ угнетателями, принимала видъ борьбы національной или религіозной. Такъ, напримѣръ, борьба ирландскихъ крестьянъ-арендаторовъ съ англійскими крупными лордами-землевладѣльцами приняла именно такой характеръ, потому что въ данномъ случаѣ эксплуатируемые мелкіе арендаторы и рабочіе принадлежали къ покоренному народу и были по религіи католиками, а эксплуатировавшіе ихъ крупные землевладѣльцы были англичане-завоеватели и исповѣдывали протестантскую религію. Эта національная и религіозная примѣсь и затемняла, скрывала истинный характеръ борьбы двухъ общественныхъ классовъ, проистекав-

шей изъ экономической эксплуатаціи и политическаго угнетенія одного другимъ. Иногда также борющіеся классы, для оправданія своихъ дѣйствій, ссылались на религію и тѣмъ также затемняли настоящій характеръ классовой борьбы. Такъ называемая великая крестьянская война въ Германіи въ началѣ XVI вѣка, т. е. возстаніе крестьянъ противъ помѣщиковъ, казалась не разъ по внѣшности войной религіозной, такъ какъ возставшіе крестьяне, для защиты своихъ правъ и доказательства справедливости своихъ требованій, ссылались на евангеліе и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устраивали даже коммунистическія общины, съ полной общностью имуществъ, по образцу первыхъ христіанъ.

Но чаще всего въ исторіи классовая борьба проявлялась въ видѣ борьбы противъ сословныхъ привилегій. Откуда же возникли сословія?

Когда какой-нибудь классъ становится экономически господствующимъ, у него, естественно, является желаніе **закрѣпить свое господство навсегда**. И вотъ онъ, при помощи государственной власти, которая находится въ его же рукахъ, охраняетъ преимущества своего класса законами, создаетъ себѣ привилегіи, запрещаетъ доступъ къ себѣ разбогатѣвшимъ выходцамъ изъ другихъ классовъ, т. е., другими словами, превращаетъ господствующій классъ въ привилегированное сословіе, въ **аристократію**. Этимъ самымъ низшіе классы общества, которые раньше отличались отъ высшихъ только болѣе низкимъ экономическимъ положеніемъ и подчиненною ролью въ созданіи общественнаго богатства, теперь становятся безправными сословіями. Первые привилегированные «аристократы», «благородные», или дворяне, появлялись обыкновенно слѣдующимъ образомъ. Въ эпоху постоянныхъ войнъ люди военной профессіи, защищавшіе (а нерѣдко грабившіе) мирныхъ гражданъ, пріобрѣтали большое значеніе. И вотъ, родственники и дружинники военноначальниковъ, а также крупные землевладѣльцы, которые могли набрать большое количество вооруженныхъ слугъ, подъ предлогомъ защиты жителей, захватывали себѣ власть и въ мирное время, превращали свободныхъ земледѣльцевъ въ крѣпостныхъ, забирали себѣ лучшія земли, передавали свою власть по наслѣдству и понемногу становились привилегированнымъ сословіемъ, «баронами», «боярами» и т. д. Вся же остальная часть населенія становилась въ ихъ глазахъ «плебеями», «подлой чернью», «сволочью», «смердами» и т. п. Современемъ они сами начали вѣрить въ свое благородное происхожденіе и создали теорію «бѣлой и черной кости».

Другимъ привилегированнымъ сословіемъ стало духовенство, языческіе жрецы и хрістіанскіе священники, которые, кромѣ монополіи обращенія къ небеснымъ силамъ, пріобрѣли себѣ еще *огромныя имущества и, слѣдовательно, большую экономическую* и политическую власть.

Въ нѣкоторыхъ странахъ существованіе сословій освящалось религіей, и тамъ они превращались въ касты, строго замкнутыя и рѣзко отдѣленныя другъ отъ друга общественныя группы. Такъ было, напримѣръ, въ древнемъ Египтѣ и до послѣдняго времени— въ Индіи, гдѣ, благодаря почти исключительному преобладанію земледѣлія и отсутствію экономическаго развитія, жизнь словно замерла, застыла, отлилась въ вѣчныя, мертвыя рамки. Въ такихъ странахъ могли быть войны, междуусобія, возстанія, но не было революцій, такъ какъ революція—это коренная перемѣна въ общественныхъ отношеніяхъ, а тамъ, благодаря существованію кастъ, общественныя отношенія оставались неизмѣнными. Въ такихъ государствахъ, неспособныхъ къ развитію, сильныя потрясенія, вродѣ войнъ или возстаній, вмѣсто обновленія, приводили часто къ гибели весь общественный строй.

Не то было у европейскихъ народовъ. И здѣсь, правда, экономически господствующіе классы, главнымъ образомъ, крупные землевладѣльцы, пользовались политической властью, чтобъ создать себѣ сословныя привилегіи. Но болѣе быстрое экономическое развитіе выдвигало все новые общественные классы и лишало прежніе ихъ экономическаго значенія. Все это вызывало непрерывную многовѣковую классовую борьбу, причемъ она проявлялась то въ чистомъ видѣ, то, чаще, въ видѣ борьбы съ сословными привилегіями, борьбы за равноправіе. Обыкновенно дѣло было такъ, что среди безправнаго сословія выдѣлялась группа энергичныхъ, предпріимчивыхъ, богатыхъ людей, которая, добиваясь для себя уравненія въ правахъ съ аристократіей, выступала отъ имени своего сословія, вовлекала его въ борьбу и, одержавъ побѣду въ революціи, устанавливала равенство всѣхъ передъ закономъ. Тогда, съ уничтоженіемъ привилегій, общество снова дѣлилось только на классы, въ зависимости отъ имущественнаго положенія, и классовая борьба происходила въ ея чистомъ видѣ, борьба городской и сельской бѣдноты съ крупными землевладѣльцами и капиталистами. Такъ было въ древнемъ Римѣ, гдѣ борьба плебеевъ съ патриціями (т. е. «простыхъ» людей съ «благородными») закончилась уравненіемъ ихъ въ правахъ, послѣ

чего бо́льшими политическими правами стали пользоваться не «благородные», а богатые, между которыми было много прежнихъ плебеевъ.

Но самый интересный примѣръ борьбы съ сословными привилегіями представляетъ Великая Французская Революція конца 18-го столѣтія. Наканунѣ революціи во Франціи были два привилегированныхъ сословія: дворянство и высшее духовенство. Весь остальной народъ былъ, по закону, безправенъ и объединялся названіемъ «третьяго сословія». Между тѣмъ, среди этого третьяго сословія были самые различные классы, съ разными и часто противоположными экономическими интересами: крестьяне, мѣстами полукрѣпостные, полунищіе, мѣстами довольно зажиточные, городскіе ремесленники и рабочіе и, наконецъ, многочисленная и богатая буржуазія, владѣвшая къ тому времени и капиталами и землею, купленной у раззорившихся дворянъ или крестьянъ, сосредоточившая въ себѣ всю интеллигенцію страны: писателей, врачей, адвокатовъ, учителей и т. д. Но ненависть къ тѣмъ двумъ сословіямъ, не игравшимъ уже никакой руководящей роли въ экономической и духовной жизни страны и ведшимъ чисто паразитическое существованіе, между тѣмъ—крайне надменнымъ, наглымъ и заносчивымъ, равно какъ и ненависть къ ничѣмъ не ограниченному произволу королевской власти, съ ея многочисленной бюрократіей, изнурявшей народъ вымогательствами и взяточничествомъ,—вообще борьба со всѣмъ старымъ отжившимъ строемъ объединяла всѣ классы третьяго сословія, и имъ казалось, что у всѣхъ у нихъ—общіе интересы. Опять, какъ и въ древнемъ Римѣ, богатая, но безправная часть населенія (въ данномъ случаѣ, буржуазія) заявляла, что она имѣетъ въ виду интересы всего народа и только ихъ защищаетъ.

Какъ извѣстно, эта борьба кончилась полной побѣдой третьяго сословія. Въ знаменитую ночь 4-го августа 1789 года, послѣ того, какъ возставшій въ Парижѣ народъ взялъ Бастилію, эту твердыню королевскаго произвола, а по всей странѣ поднялись крестьяне, жгли феодальные (помѣщичьи) замки и становились фактически свободными, — въ эту ночь два высшихъ сословія, засѣдавшія въ избранномъ всѣмъ народомъ учредительномъ собраніи, „добровольно“ отказались отъ всѣхъ привилегій, и во Франціи были уничтожены сословія. Впослѣдствіи и королевская власть была сперва ограничена конституціей, а потомъ совсѣмъ отмѣнена и замѣнена республикой.

Но въ результатѣ этой и послѣдующихъ европейскихъ революцій оказалось, что, съ уничтоженіемъ сословій и установленіемъ политической свободы, отнюдь не были уничтожены классы и классовая борьба. Революція только расчистила мѣсто буржуазіи, которая и стала господствующимъ классомъ. Въ то же время остальные классы прежняго третьяго сословія, главнымъ образомъ, промышленный пролетаріатъ, все увеличивавшійся численно съ ростомъ буржуазіи и развитіемъ капитализма, поняли, что интересы ихъ и крупной буржуазіи прямо противоположны, что она оказалась ложнымъ другомъ, и что главный источникъ ихъ страданій — экономическая эксплуатація — революціей не уничтоженъ. Только тогда, только въ 19-мъ вѣкѣ, классовая борьба въ исторіи разъ навсегда освобождается отъ прежнихъ національныхъ, религіозныхъ и сословныхъ примѣсей. У капитала нѣтъ отечества, или, вѣрнѣе, его отечество тамъ, гдѣ больше прибыли. Точно такъ же и у рабочихъ разныхъ странъ одни и тѣ же интересы, одни и тѣ же враги, однѣ и тѣ же цѣли. Поэтому борьба классовъ принимаетъ все болѣе и болѣе международный характеръ. Равнымъ образомъ, уничтоженіе сословныхъ привилегій однихъ и политическаго безправія другихъ дѣлаетъ классовую борьбу болѣе прямой, открытой, свободной, болѣе ясной и сознательной. А все это—въ интересахъ пролетаріата, потому что все, что затемняетъ его классовое сознаніе, дѣлаетъ для него болѣе трудною борьбу и отдаляетъ побѣду. Уничтоженіе сословій, какъ мы видѣли, сперва доставляетъ побѣду буржуазіи, дѣлаетъ ее полнымъ хозяиномъ современнаго общества, но оно же впервые ставитъ передъ пролетаріатомъ во всей ясности его собственное положеніе, указываетъ его главныхъ враговъ и правильныя средства для предстоящей борьбы. Уничтоженіе сословій не уничтожаетъ классовъ, но оно уничтожаетъ всѣ препятствія для классовой борьбы. Оно способствуетъ быстрому развитію капитализма, уменьшаетъ значеніе всѣхъ промежуточныхъ классовъ и все болѣе и болѣе дѣлитъ общество на два стоящіе лицомъ къ лицу класса: буржуазію и пролетаріатъ. Поэтому уничтоженіе сословій и всѣ связанныя съ нимъ политическія реформы въ высшей степени необходимы пролетаріату, какъ первый шагъ на пути къ его полной побѣдѣ.

Что же касается борьбы классовъ, то борьба пролетаріата съ буржуазіей есть послѣдняя форма классовой борьбы въ исторіи, такъ какъ за пролетаріатомъ больше классовъ нѣтъ.

И кончится она только тогда, когда побѣдившій пролетаріатъ уничтожитъ систему наемнаго труда и замѣнитъ ее товарищеской общественной кооперацiей, когда всѣ средства производства станутъ собственностью всего общества. Только тогда исчезнутъ классы вообще, исчезнетъ экономическая эксплуатація и всѣ вытекающія изъ нея формы гнета, притѣсненія и рабства политическаго, экономическаго и духовнаго. Словомъ, если уничтоженіе сословій есть переворотъ, по существу, буржуазный, хотя и въ высшей степени необходимый пролетаріату, то уничтоженіе классовъ есть переворотъ соціалистическій.

Итакъ, только дальнѣйшая борьба классовъ, борьба сознательная, имѣющая въ виду опредѣленные идеалы, можетъ привести къ полному уничтоженію классоваго строя. Поэтому всѣ тѣ, которые въ настоящее время говорятъ о «гармоніи интересовъ» и «мирномъ сотрудничествѣ» классовъ, всѣ, которые боятся классовой борьбы и проповѣдуютъ «примиреніе»,—желаютъ затемнить сознаніе пролетаріата и являются его врагами.

Въ этомъ отношеніи интересно положеніе всѣхъ промежуточныхъ слоевъ современнаго общества, разныхъ видовъ мелкой буржуазіи и ея идеологовъ (вождей) изъ интеллигенціи, т. е. идейныхъ выразителей ея интересовъ: у каждаго класса, подъ вліяніемъ его интересовъ, воспитанія и повседневной борьбы, создается своя особенная классовая психологія, т. е. особый складъ мысли, особое пониманіе окружающихъ общественныхъ явленій, особое отношеніе къ единомышленникамъ и врагамъ. Такъ, напр., пролетарская психологія, т. е. духовный міръ рабочаго класса, прогрессивна по преимуществу, не боится борьбы, критически относится къ авторитетамъ, ко всѣмъ установленнымъ порядкамъ, отъ которыхъ пролетаріатъ только страдаетъ, и стремится къ широкимъ общественнымъ преобразованіямъ; отличительной ея чертой является чувство товарищеской солидарности, готовность жертвовать личными интересами ради общаго дѣла.

Психологія буржуазіи, въ эпоху борьбы съ дворянствомъ и королевской властью революціонная,—теперь всюду, гдѣ буржуазія окончательно упрочила свою власть, стала реакціонной. Отличительными ея чертами являются эгоизмъ, взаимное соперничество, отсутствіе общественныхъ идеаловъ. Психологія же всѣхъ видовъ мелкой буржуазіи, какъ класса промежуточнаго, находящагося между двумя крайними, борющимися классами, колеблется между психологіей буржуазіи и пролетаріата, отличается нерѣ-

шительностью, двойственностью, неумѣніемъ понять совершающійся неизбѣжный историческій процессъ. Мелкій буржуа, будь то крестьянинъ-собственникъ, мелкій лавочникъ или хозяинъ ремесленной мастерской, страдаетъ отъ безпощадной конкурренціи крупнаго капитала, который завоевываетъ одну область промышленности и торговли за другой и выбрасываетъ на улицу, въ ряды пролетаріата, все новые слои мелкой буржуазіи. Поэтому мелкій буржуа, съ одной стороны, ненавидитъ капитализмъ и крупную буржуазію, а съ другой, какъ мелкій собственникъ, цѣпко, съ фанатическимъ упорствомъ держится за свою жалкую собственность и не можетъ воспринять боевой и широкой пролетарской психологіи.

И вотъ, этотъ мелкій буржуа безсильно мечется въ борьбѣ за существованіе и, больше всѣхъ страдая отъ классовой борьбы, изыскиваетъ средства остановить, задержать все растущее могущество крупнаго капитала, а, съ другой стороны—боится и «разрушительной» борьбы пролетаріата. Идейные защитники и представители этого класса, главнымъ образомъ, и проповѣдуютъ «примиреніе» и «сотрудничество» классовъ, надѣясь понемногу, мирнымъ путемъ, «заполнить пропасть» между классами и добиться всеобщаго мѣщанскаго благополучія, сохраняя въ то же время всѣ основы современнаго строя. При этомъ они воображаютъ, что стоятъ «надъ классами», свободны отъ «узкой» классовой точки зрѣнія и имѣютъ въ виду лишь интересы всего общества.

Нечего, конечно, и говорить, что подобная проповѣдь—утопія, т. е. несбыточная мечта, и притомъ вредная, реакціонная утопія, такъ какъ, не задерживая гибели мелкой буржуазіи, она, между тѣмъ, пытается затемнить классовое самосознаніе пролетаріата и тѣмъ вредитъ ему въ его борьбѣ за осуществленіе великихъ общечеловѣческихъ идеаловъ.

Теперь, когда мы выяснили подробно взаимныя отношенія сословія и класса, намъ уже не много остается сказать о политическихъ партіяхъ. Если сословія характеризуются правами и обязанностями, охраняемыми закономъ, а классы—это естественныя группы, на которыя само собой распадается общество въ процессѣ экономическаго развитія, то подъ партіей мы разумѣемъ группу лицъ, объединенныхъ сознательнымъ стремленіемъ къ опредѣленной цѣли и связан-

ныхъ взаимной добровольной поддержкой. Другими словами, если принадлежность къ сословію является результатомъ самаго факта рожденія и принудительныхъ законовъ, а быть членомъ какого-либо класса значитъ лишь занимать определенное экономическое положеніе, независимо ни отъ собственной воли, ни отъ законодательства, а просто въ силу естественныхъ экономическихъ законовъ, — то принадлежать къ партіи можно только по собственному желанію. При этомъ политическія партіи, въ свою очередь, тѣмъ еще отличаются отъ всякихъ другихъ союзовъ и обществъ, также преслѣдующихъ опредѣленныя цѣли и связанныхъ взаимной поддержкой своихъ членовъ (какъ, напримѣръ, профессіональные союзы), что партія ставитъ себѣ именно политическія цѣли, т. е. или захватъ власти, или, по крайней мѣрѣ, пріобрѣтеніе вліянія на политическія дѣла своей страны.

Какая же связь существуетъ между классомъ и партіей? «Всякая классовая борьба есть борьба политическая», сказалъ Марксъ, потому что господствующій классъ всегда имѣетъ въ своихъ рукахъ политическую власть, и, чтобы успѣшно бороться съ нимъ, надо прежде всего стремиться отнять у него эту власть. Поэтому, естественно, партіи группируются по классамъ и сословіямъ, т. е. возникаютъ и организуются для защиты опредѣленныхъ классовыхъ или сословныхъ интересовъ. Но, тѣмъ не менѣе, между классомъ и партіей существуетъ огромная разница, и они отнюдь не совпадаютъ. Прежде всего — можно принадлежать къ классу и даже вести классовую борьбу, не зная этого, не отдавая себѣ въ этомъ отчета. Огромное множество рабочихъ, напр., или мелкихъ буржуа не сознаютъ еще своей принадлежности къ опредѣленнымъ классамъ, у нихъ еще нѣтъ классоваго самосознанія. Поэтому и борьба, которую они ведутъ съ другими классами (а эта борьба не прекращается въ современномъ обществѣ ни на минуту), есть борьба стихійная, безсознательная. Каждая стачка рабочихъ, даже каждое требованіе ими увеличенія заработной платы, конкурренція крупнаго капиталиста съ какимъ-нибудь далекимъ кустаремъ, котораго онъ не видитъ и не знаетъ, все это — отдѣльныя проявленія классовой борьбы, но борьбы пока безсознательной. Сознательной же она становится лишь тогда, когда борющіеся понимаютъ, что ихъ мелкая ежедневная борьба есть лишь часть одного великаго цѣлаго, что въ рамкахъ существующаго строя они могутъ добиться лишь незначительныхъ улучшеній, и что только полная побѣда всего ихъ класса можетъ

повести къ кореннымъ преобразованіямъ. И только тогда, когда такіе сознательные представители какого-либо класса ставятъ себѣ опредѣленныя политическія цѣли, вырабатываютъ опредѣленную политическую программу и организуются въ одно цѣлое, съ взаимной поддержкой и взаимными обязанностями, — только тогда становятся они политической партіей даннаго класса. Изъ этого видно, какъ ошибаются, напр., тѣ, кто думаетъ, что рабочая партія охватываетъ весь борющійся пролетаріатъ. Нѣтъ, недостаточно борьбы, нужны полная сознательность и организованность. Рабочая партія включаетъ лишь сознательныхъ представителей рабочаго класса или защитниковъ его интересовъ и притомъ только такихъ, которые сознательно организовались для проведенія въ жизнь опредѣленной политической программы.

Такой партіей пролетаріата является во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ соціалдемократія. Что же касается другихъ политическихъ партій, то онѣ чрезвычайно разнообразны, въ зависимости отъ степени политической свободы, отъ развитія промышленности и отъ отношеній классовъ въ разныхъ странахъ. Тѣмъ не менѣе, если изслѣдовать истинный характеръ этихъ партій, если, не обращая вниманія на ихъ пышныя фразы, изучить ихъ классовую основу, т. е. тѣ классовые интересы, которые онѣ защищаютъ, то окажется, что всѣ эти партіи можно свести къ немногимъ главнымъ типамъ. Это, во-первыхъ, партія реакціонная, или консервативная. Она защищаетъ интересы крупныхъ землевладѣльцевъ, а иногда, соединившись съ ними для борьбы съ пролетаріатомъ, — крупныхъ капиталистовъ. Эта партія отстаиваетъ сословныя привилегіи, неограниченную монархію (тамъ, гдѣ она болѣе или менѣе еще сохранилась, напримѣръ, въ Пруссіи), борется противъ народнаго просвѣщенія и т. д. Затѣмъ идутъ разные оттѣнки либеральной партіи, отъ умѣренно-конституціонной, не желающей дать избирательныхъ правъ народу, до радикально-демократической, требующей самой широкой политической свободы, участія всего народа въ управленіи, развитія просвѣщенія и охраны труда отъ хищнической эксплуатаціи крупнаго капитала. Эти партіи представляютъ всю массу средней и мелкой буржуазіи и, главнымъ образомъ, буржуазную интеллигенцію, которымъ для борьбы съ деспотическими магнатами земли и капитала необходима поддержка пролетаріата и крестьянства. Какъ бы эти партіи ни боролись между собой за власть и вліяніе, всѣхъ ихъ объединяетъ страхъ передъ соціализмомъ и ненависть къ соціал-

демократіи. Но рѣдко подобныя партіи признаются въ своихъ эгоистическихъ классовыхъ стремленіяхъ. Всѣ онѣ ссылаются обыкновенно на общія блага, на защиту интересовъ народа и т. д.

И только партія пролетаріата, международная соціал-демократія, открыто заявляетъ, что защищаетъ интересы рабочаго класса, но что полная побѣда его знаменуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, величайшій прогрессъ для всего человѣчества, такъ что идеалы сознательнаго пролетаріата суть, дѣйствительно, идеалы общечеловѣческіе.

Тип. „Экономія". Петроградъ, Петр. стор., Геслеровскій пер., 15-а.